

Содержание

Предисловие	9
Рождение нового иночества? Преподобный	
Серафим Саровский и мирянские общины	11
Не с чистого листа	11
Включение в общее дело	12
Не только Дивеево	13
Монастырь или община?	14
Молодое вино в новые мехи...	15
«Стойте в свободе»	17
Овцы среди волков	18
Свидетельство о Царстве	19
Река меняет русло	20
Община или монастырь? История повторяется	22
Мост в будущее	24
«Служение столам» как индикатор духовной жизни	26
Экклезиологическая мысль в русскоязычном	
православии XX–XXI веков. Путь к свободе?	30
Глубина и мелководье	30
Проблема оснований и обоснований	31
Предпонимание и среда. «Теология расколотости»	33
Реконструкция и попытка преодоления	
«теологии расколотости». Экклезиология	
отца Николая Афанасьева	36
Особые служения остаются	37
Мысли отца Николая находят отклик.	
Отец Александр Шмеман	41
В одну реку нельзя войти дважды	42
Трудности перехода	47
Церковь-космос. Экклезиология отца Сергия Булгакова	50
Новая экклезиология и открытое христианство	53
Что дальше?	55
Еще раз о расцерковлении и общинах...	57
Признаки оздоровления церковной жизни	60
О безбрачии священноначалия	
и церковном имуществе	61
Иудео-христианский диалог: новые возможности	62

Иудео-христианские отношения	
и иудео-христианский диалог до XX века	62
Вероучительно-догматическое направление	64
Направление, связанное с толкованием	
Закона (Торы)	66
Направление, связанное с этическим прогрессом	67
Направление, связанное с толкованием	
мессианских пророчеств	68
Иудео-христианские отношения	
и иудео-христианский диалог после XX века	70
Догматическо-вероучительное направление	70
Направление, связанное с толкованием	
Закона (Торы).	72
Направление, связанное с этическим прогрессом	76
Направление, связанное с толкованием	
мессианских пророчеств	77
Иудео-христианские отношения. Что дальше?	86
Совместная иудео-христианская декларация	
сотрудничества	93
Об «Иудейской войне» Иосифа Флавия	95
О конференции «Израиль и Церковь в последние	
 времена: от теологии замещения к диалогу»	96
Христианство как мессианская интерпретация	
 иудаизма	97
Суд в Израиле и апостольский дар.	98
Структурные подобиа	98
Суд в Израиле	100
Новые судьи	101
Церковь повторяет историю ветхозаветного Израиля.	103
Суд как первопринцип.	107
Эволюция церковного строя	109
Право или Закон Божий?	111
Институт и харизма	112
Вместо заключения	115
«Коранический гуманизм» и перспективы	
 межрелигиозного диалога.	116
Рэп-баттл и возможный тренд развития	
 русского православия.	117
Духовный смысл акции Pussy Riot в храме	
 Христа Спасителя.	121
Национальный нарратив и новая тотальность	126
Постановка проблемы	126

От национального нарратива к национальной ответственности и к национальной идентичности	128
Национальный нарратив и национальная идея. Конкретизация проблемы	132
«Долгое государство Путина»	133
Западно-либеральный нарратив. Возможен ли российский «аристотелизм»?	135
Две стороны советского проекта. Между тотальностью и тоталитарностью.	137
Страсти по Святой Руси	139
Выход из истории как обретение своей идентичности	142
Теория «большого синтеза»	145
Перед каким выбором стоит Россия?	154
Время в Священном Писании	155
Затянувшийся исход. Церковь в постсоветское время: исторические вызовы, трудности, задачи...	159
Тема исхода, духовного регресса и духовного прогресса	159
Отец Николай Афанасьев как провозвестник церковного обновления	159
Русский церковный кризис как системная проблема	161
От теории к практике. Внутренние трудности	162
Нераскрытый религиозный аспект постсоветского времени	164
Что же делать?	165
«Земля обетованная» и тема свободы	166
Русская православная церковь и поправки в Конституцию	168
Всемирный шаббат: попытка религиозной рефлексии на события, связанные с распространением COVID-19	171
Не заразиться и не заразить. К вопросу о совместном причащении в условиях пандемии	175
Опыт служения онлайн-литургии в одной христианской общине	179
Какой, собственно, выбор?	179
Условия служения литургии. Таинство собрания	181
Чин и чины.	182
Служение	183
Итоги	184
О прощении, суде и воскресении	186
Церковь, современная культура и... библейский Валаам	190

В диалоге с Г. С. Померанцом: автономная этика и теодицея, проблема Каина и «проблема Вертера» . . .	195
О статье отца Саввы Мажуко «“Отрекись от Пушкина!” Он бесполезен, как бесполезно все подлинно прекрасное»	199
Впечатления от просмотра фильма «Нелюбовь» Андрея Звягинцева	200
Об отношениях учителя и жертвы	202
«Человек будущего» и тема соучастия	203
О выборе и о воле Божьей	205
Две системы моральных координат	206
О возможном преодолении смерти. Пессимистическая и оптимистическая эсхатологии.	208
Встреча с Богом как коррекция направленности веры и действий по вере	209
О постмодернизме и богословии	211
«Жизнь-сказка» в свете разных концепций чуда	212
После просмотра фильма «Два папы» Фернанду Мейреллиша	213
Фильм «Довлатов» Алексея Германа-младшего и постсоветская реальность	214
О фильме Кирилла Серебренникова «Лето»	216
Егор Летов и «русское поле экспериментов»	217
Единобожие как картина мира.	218
О способности «мыслить истинно».	219
«Открытый центр», или Страсти по Андрею (отцу Андрею Кураеву)	220
Иерейский излом	224
Жизнь «без врагов» в свете Дидахе	228
«Ветхозаветное благовещение»	229
Пасха как домашний праздник	230
Апокалипсис и события сегодняшнего дня.	231
Об авторе	234
Указатель имен	235

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Аренд попыталась показать с историко-социологической точки зрения, что явление, получившее название «тоталитаризм» и охватившее каскады событий, происходивших в гитлеровской Германии и сталинском Советском Союзе, — это явление в каком-то смысле исключительное, впервые случившееся в мировой истории.

У тоталитаризма есть свои причины. Также могут быть и свои следствия.

Если говорить о реакции религиозного мира на произошедшее в XX веке, то эту реакцию можно было бы выразить одним словом — КАТАСТРОФА. XX век почти для всех религиозных групп, находящихся на территории СССР, ознаменовался КАТАСТРОФОЙ. Агрессивное богоборчество, сопровождавшееся массовыми гонениями, коснулось очень многих.

Однако как осмыслить явление тоталитаризма? Были ли у него духовные причины? И если были, то каким мог бы быть адекватный ответ верующего человека на вызов тоталитаризма? В дискурсе теологии истории принято искать провиденциальный смысл происходящего. После краха нацистского и советского режимов произошел исход в некое посттоталитарное время. Как это время может быть осмыслено в теологическом аспекте? Что нового открывает нам это новое время, какие возможности? Какие изменения могут произойти в теологии? Не явит ли это новое время и новое пространство жизни, причем не в отвлеченном умозрении, а в самом историческом процессе — в «поле реального мира»? Сейчас на эти и другие вопросы современные думающие люди пытаются дать ответы.

Как реакция на событие Холокоста на Западе возникло новое богословское направление — «теология после Освенцима». Для русскоязычного читателя, наверное, правильнее было бы это направление дополнить: «теология после

Освенцима и ГУЛАГа». Как есть общее в обоих тоталитарных режимах, так есть нечто общее в обеих «теологиях», поэтому логично их объединить под единой тематической рубрикой «посттоталитарная теология». Возможно, это означает, что о путях Божьих в XXI веке корректно будет говорить именно на таком вот новом, «посттоталитарном» богословском языке, который, однако, пока еще не выработан.

Несмотря на то, что вопросы, вроде бы, поставлены и тема задана, существенных продвижений в этом новом направлении пока очень мало...

В данной книге собраны некоторые мои работы, подходящие, на мой взгляд, под заявленную рубрику. Пусть это будет мой посильный вклад в разработку новой темы.

Всякое движение вперед связано также с «возвращением назад», с попыткой из прошлого взять с собой в будущее всё то, что было в прошлом несправедливо оставлено и что может послужить основой этого будущего. Поэтому в книге, размышляя о современности, я часто обращаюсь к тому, что было, скажем, и во времена преподобного Серафима Саровского, и в апостольский век в истории Церкви, и в более древние времена Ветхого Завета... Но все эти обращения центрированы на одном — на взыскании подлинной воли Божьей в наши дни.

Андрей Дударев

Рождение нового иночества? Преподобный Серафим Саровский и мирянские общины

Преподобный Серафим Саровский — один из самых чтимых русских православных святых. Однако многое в его служении до сих пор остается не воспринятым. Например то, что он участвовал в созидании общинной жизни, и дивеевская община сестер была изначально именно общиной, а не монастырем в классическом понимании. Кроме нее существовали и другие мирянские общины, которые преподобный Серафим не оставлял своей духовной заботой. Был ли в этом провиденциальный смысл? И если был, то какой?

Не с чистого листа

Конечно, преподобный Серафим был уникальным явлением в Русской церкви, но возрел духовно он в определенной духовной среде... Что это за среда?

Если попытаться не заикливаться на одной личности преподобного, а посмотреть на события двухсотлетней давности шире, то можно заметить в этих событиях особую связанность. В жизни многих тысяч людей на протяжении нескольких поколений, живших как до Серафима, так и после, происходила череда событий, которые можно было бы охарактеризовать как неслучайные. Преподобный Серафим не был отделен от этих людей, напротив: он был как бы связующим звеном и одновременно тем человеком, который достиг некоей высшей точки духовного восхождения...

Итак, еще до прибытия в Саров Прохора Мошнина (мирское имя монаха Серафима) произошли определенные события. Попробуем провести небольшую реконструкцию этих событий.

Согласно «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» в 1760 году Агафье Мельгуновой происходит откровение Божьей Матери: Агафья Мельгунова призывается основать

обитель сестер*. После этого откровения она едет в Киев и беседует со старцами, которые удостоверили ее в том, что откровение было подлинным и надо идти искать место для обители, которое сама Божья Матерь и укажет. Когда в 1764 году Агафья (на тот момент она уже приняла монашество с именем Александра) находилась в Дивеево, ей было повторное откровение, что обитель нужно основать именно в Дивеево. Она здесь и останавливается, поселившись у приходского священника отца Василия Дертева. Проживая в Дивеево, мать Александра часто посещает находившийся неподалеку Саровский мужской монастырь и общается с тамошними старцами. Уже в это время она проводит с народом духовные беседы. Саровские старцы Ефрем и Пахомий поддержали желание матери Александры основать женскую общину.

Включение в общее дело

В 1778 году Прохор Мошнин поступает в Саровский монастырь. Надо сказать, что еще при настоятельстве отца Ефрема, когда в 1775 году случился сильный голод, монастырь открывал свои закрома и кормил всех, что очень положительно характеризует тогдашних насельников монастыря. А в 1777 году настоятелем становится отец Пахомий, и число братии при нем значительно увеличивается.

В 1780 году Прохор заболевает, но эта болезнь оказывается к славе Божьей — послушник удостоивается исцеления при посещении Матерью Божьей вместе с апостолами Петром и Иоанном. В 1786 году происходит постриг Прохора в сан инока с наречением имени Серафим и посвящение в сан иеродьякона, а в 1793 году — рукоположение в сан иеромонаха. Где-то в промежутке между 1886 и 1893 годом, как повествует «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», состоялось явление Иисуса Христа отцу

* Здесь и далее хронология и фактология основаны на «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» и других доступных источниках. См.: Чичагов Серафим, архимандрит. *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*, СПб., 1903.

Серафиму в Великий четверг Страстной седмицы во время литургии.

В 1788 году на земле, пожертвованной помещицей Ждановой, начинается строительство келий. Вскоре в этих кельях поселяются первые три сестры. В 1789 году мать Александра умирает, а перед смертью она просит отца Пахомия и отца Серафима позаботиться о сестрах. После смерти матери Александры и до 1796 года настоятельницей в общине сестер является Анастасия Кирилловна. При ней число сестер увеличивается до пятидесяти двух.

Надо сказать, что женская дивеевская община не имела официального статуса. По-видимому, при ее устройении сразу был взят курс на то, что это будет именно община келейниц, т. е., по сути, мирянская община без образования монастыря. Для келейниц было характерно общее проживание в кельях, общее хозяйство и участие в богослужениях, как келейных, так и храмовых, но при этом отсутствие классического пострига и прикрепления к какому-либо монастырю.

Не только Дивеево

Есть свидетельства, что такие мирянские общины келейниц при участии старцев Саровского монастыря существовали не только в Дивеево. Например, упоминается о мирянской общине келейниц в Арзамасе, которая была создана Марией Петровной Протасевой, по-видимому, еще при саровском настоятеле Пахомии. Позже настоятельницей этой общины была Ольга Васильевна Стриганова*.

Или есть упоминание 18... года об общине в Ардатове. В частности, говорится о наставлении отца Серафима начальнице общины матери Евдокии.

Наконец, есть свидетельство 1802 года о беседках в селе Большой Урень Симбирской губернии. Анна Андреевна,

* Известно, что у нее было общение с Антонием (Андреем) Медведевым, который сыграл важную роль в событиях 1860-х годов, когда для разрешения конфликтной ситуации в Дивеево вынужден был вмешаться митрополит Филарет (Дроздов). Антоний передал рапорт Н. А. Мотовилова митрополиту Филарету.

руководительница общины, рассказывает о посещении отца Серафима и настоятеля Пахомия. Также сохранилось свидетельство 1810 года, в котором речь идет о помощи уренской общины дивеевским сестрам по просьбе отца Серафима.

Возможно, есть и другие свидетельства. Но даже этого достаточно, чтобы сказать, что создание малых общин келейниц было сознательным усилием со стороны саровских старцев, по крайней мере до того времени, пока игуменом Саровского мужского монастыря не стал Нифонт. Более того, скорее всего, опыт организации общин келейниц в разных местах России был использован отцом Серафимом и при разрешении вопроса о том, на каких принципах строить новую дивеевскую общину сестер.

Монастырь или община?

В 1794 году умирает наставник и, по-видимому, духовный друг отца Серафима игумен Пахомий*. Вскоре в Дивеево меняется настоятельница, ею становится Ксения Михайловна Кочулова, довольно строгая и даже властная женщина, придерживающаяся жестких взглядов на устройство совместного духовного жительства. При ней у сестер вводится суровый устав Саровского монастыря с тяжелыми ограничениями в пище. Отец Серафим иронично называл ее «духовным бичом». Отец Серафим уже тогда известен как старец, но вряд ли можно говорить о его взаимопонимании с монахами мужского Саровского монастыря. Ему предлагают быть настоятелем монастыря, но он не только отказывается, но и более того — удаляется в т. н. ближнюю пустыньку (5–6 км от монастыря) на пустынножительство.

По-видимому, в это время перед отцом Серафимом со всей остротой встает выбор: либо продолжать свою духовную жизнь исключительно в монастырских рамках, либо перенести акцент в своём духовном внимании на женскую общину сестер, опекать которую его просила мать Александра. Не отрекаясь по форме от первого варианта, он, по

* Отец Пахомий так же, как и отец Серафим, был родом из Курска и, возможно, был знаком с его родителями.

сути, выбирает второй. Но этот выбор сопряжен с новыми трудностями и искушениями.

В 1806 году братия Саровского монастыря избирает игуменом отца Нифонта. При нем саровцы перестают заботиться о сестрах в Дивеево, а отец Серафим прекращает старческое попечение о братии. Со временем из дивеевской общины убыло сорок сестер. У отца Нифонта и большинства монахов, по-видимому, сложились сложные отношения с отцом Серафимом. Возможно, в лице него братия чувствовала незримый упрек в отходе от первоначальной простоты. Отец Серафим был монах, и другим монахам его поступки могли показаться слишком свободными и искушительными. Он носил простую, «мирскую», а не монашескую одежду, имел много общения с «мирскими» людьми, мог пойти наперекор принятому стилю жизни в монастыре... Конечно, он чувствовал свое особое призвание, но, возможно, в то время оно еще недостаточно выявилось и он сам еще не был готов к тому, чтобы полностью ему отдаться.

Так или иначе с 1807 по 1810 год отец Серафим — молчальник в пустынке. Но братия монастыря, видимо, не может спокойно смотреть на то, что отец Серафим живет вроде бы рядом, но при этом как бы отдельно от них. В 1810 году отец Нифонт собирает монастырский собор, на котором принимается решение вернуть отца Серафима из пустынки обратно в монастырь. Отец Серафим вынужден подчиниться этому решению, но вернувшись в монастырь, он тут же уходит в затвор и таким образом сохраняет свою отделенность.

В 1813 году отец Серафим открывает двери своей кельи, но, в основном, для мирян.

Молодое вино в новые мехи...

В 1821 году происходит исцеление помещика Михаила Мантурова, которому отец Серафим говорит: «Первого тебя врачую». Наступает новый этап служения отца Серафима. Мантурову поручается строительство мельницы и материальное попечение о дивеевских сестрах. В результате к 1825 году количество сестер вновь увеличилось до пятидесяти. В это время Божья Матерь благословляет отца Серафима выйти

из затвора, и он получает от игумена Нифонта разрешение удалиться в лес. Постепенно к отцу Серафиму начинают ходить дивеевские сестры, в том числе настоятельница дивеевской общины Ксения Михайловна. При этом Ксения Михайловна проявляет недолжное упорство и отказывается изменить устав общины на более мягкий. И сам отец Серафим со всем его духовным авторитетом не мог с ней справиться. Однако он не идет на то, чтобы отстранить Ксению Михайловну от настоятельства или разрушить сложившуюся общину. Принимается другое решение — о создании новой общины.

В 1827 году создается независимая от Ксении Михайловны Мельничная община, в которую из прежней (Казанской) общины переходят восемь сестер. Старшей в общине назначается Елена Мантурова, родная сестра благодетеля Михаила Мантурова. Эта новая община становится основным детищем отца Серафима. В ней вводится облегченный, как бы мы сейчас сказали, либеральный устав, короткое молитвенное правило. Благословляется более частое причастие (во все посты и двенадцатые праздники), снимаются ограничения в пище: есть можно сколько угодно и когда угодно (понятно, что в общецерковных канонических рамках). В 1829 году участок земли, где проживают сестры Мельничной общины, обрывается канавкой. Кто был в Дивеево, знают, какое значение до сих пор придаетается там этой канавке и сколько мифов с этим связано. Например, в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» говорится, что антихрист до канавки дойдет, но канавку не перейдет. Наиболее адекватное толкование этого места заключается в том, что антихрист — это лжеученик отца Серафима монах Иоасаф, который решил себя объявить духовным наследником отца Серафима. Как раз, когда он вознамерился взять верховенство в дивеевских общинах, Казанская община сдалась и приняла его руководство, а Мельничная, находившаяся за канавкой, не подчинилась ему, а наоборот обличила обманщика.

При этом, по-видимому, напряженные отношения между дивеевскими сестрами и монахами Саровского монастыря сохраняются. Так, есть свидетельство о том, что монахи

обвиняют сестер в краже кряжей. Кроме того монахи, видя, какое количество народа посещает старца, испытывают к этому духовную зависть. Так, один из монахов, увидев людей, ищущих отца Серафима, не без отчаяния произнес: «Зачем вы его ищите, здесь все Серафимы».

В 1831–1832 годах после исцеления и других духовных событий в общее общинное дело активно включается помещик Николай Мотовилов, который скоро становится главным покровителем и питателем сестер (видимо, потому, что средства Михаила Мантурова к тому времени уже иссякли). А старшей на Мельнице назначается Прасковья Степановна.

В 1833 году земная жизнь отца Серафима прекращается. К этому моменту в Мельничной общине уже семьдесят три сестры.

«Стойте в свободе»

Одним из главных духовных завещаний отца Серафима сестрам дивеевских общин был наказ хранить дух мира, евангельской простоты и свободы, который отец Серафим всячески стремился возгревать. Мы бы сейчас назвали такой образ веры христоцентричностью, когда в духовной жизни акцент делается на «жизни по Писанию, а не по преданию» в том смысле, что «предание» во всей его полноте как бы приглушено, и на первый план выступает Писание со всей мощью прямого, а не аллегорического действия... Отец Серафим говорил, что после него не будет у дивеевских сестер отцов. Он не был сторонником институционализации общин, понимал, что институционализация — это новая зависимость и новое возможное рабство. Как и апостол Павел в Послании Галатам, он открывшийся образ новой жизни ставил выше прежних, пусть и традиционных образов. Слова Павла галатам: «стойте в свободе», не дайте никому себя закабалить под разными благовидными предложениями, — вполне применимы и к дивеевской ситуации. Открывшееся новое иночество было как будто новым и по отношению к прежнему, традиционному монашескому иночеству. Не случайно саровские монахи не понимают и не принимают его, ведь это новое иночество обличает и их со всеми их степе-

нями посвящения, неудобовыполнимыми монашескими обетами, суровой аскезой и особой монашеской романтикой... Когда-то, в ранней церкви, монашеское движение было мейнстримом христианства. Монахи, уходя в пустыни и пещеры, стремились сохранить там евангельский дух и образ жизни, во многом противопоставляя свою жизнь жизни имперской церкви, соединившейся с государством и подчинившейся ему. Но со временем и в самом монашестве вторичные пласты предания закрывают сердцевину евангельского откровения, а потому церковь нуждается в новом иночестве. Еще рано говорить, что она освободилась совсем как от имперского пресса, так и от клерикалистского церковного самознания.

Характерно, что с 1833 года в Саровском монастыре продолжается линия на дипломатическое уважение отца Серафима, но при этом на его образ жизни рецепция со стороны монахов отсутствует. Отсюда и замалчивание. Вскоре духовная жизнь в мужском Саровском монастыре приходит в упадок. Есть свидетельство 1839 года, когда будущий оптинский старец Амвросий идет за советом к местному отшельнику, который не советует идти в Саров, т.к. «там нет уже опытных старцев, как прежде». В 1842 году игуменом в Сарове становится Исая (II), последователь Нифонта. Неприятие отца Серафима и его опыта сохраняется.

Овцы среди волков

По сути, дивеевские сестры со всей своей простотой и беззащитностью оставляются, как евангельские овцы среди волков. И волки не замедлили появиться. Начинается долгая и изнурительная борьба с монахом Иоасафом (Иваном Тихоновым Толстошеевым). Казалось бы, неужели простой монах мог оказать столько вреда, сколько ему приписывают? Однако не стоит забывать, что у Иоасафа был влиятельный покровитель — обер-прокурор Святейшего Синода граф Александр Петрович Толстой, перед которым трепетали и епископы. Как уже говорилось, Иоасаф, который хотел быть духовным попечителем сестер, водворяется в Казанской общине, но терпит поражение в Мельничной.